

Неизвестный

АЛЕКСЕЕВ

неизданные произведения
культового автора середины XX века

Геннадий Иванович Алексеев Неизвестный Алексеев. Том 3: Неизданная проза Геннадия Алексеева

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27107337*

*Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева: Геликон
Плюс; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-9909707-2-4*

Аннотация

Геннадий Алексеев (1932–1987) – не забытый, но самый «малоизданный» культовый автор середины XX века, его роман «Зеленые берега» – неоценимый вклад в культуру России; основоположник российского верлибра, прозаик, поэт, художник.

Третий том собрания сочинений «Неизвестный Алексеев» включает только что расшифрованные дневники последнего периода жизни писателя (с 1980 по 1986 гг.) из недавно открытых архивов. Дневники содержат программные мысли писателя, его рассуждения о литературе и искусстве, очерки из литературной жизни «восьмидесятых».

Книга снабжена уникальным иллюстративным материалом: фотографии, сделанные Алексеевым, и фотографии из его семейного архива, ранее не издававшиеся.

Содержание

Геннадий Иванович Алексеев	4
От составителя	10
Дневники	12
1980	12
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Геннадий
Иванович Алексеев
Неизвестный Алексеев
Том 3
*Неизданная проза
Геннадия Алексеева***

Геннадий Иванович Алексеев

Геннадий Иванович Алексеев вошел в мою жизнь в 1975 году. В тот год я стала студенткой архитектурного факультета Ленинградского инженерно-строительного института (ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет). Геннадий Иванович весь первый курс читал нам лекции по истории искусств. Вчерашних обычных школьников и даже выпускников художественных школ его лекции ошеломили. Это было не сухое перечисление стилей, исторических дат, эпох. Он давал нам картину мира, вечного, непознанного, со всеми бесконечными проблемами, такими же, какие настигали и нас. И странно,

что после лекций Алексеева великие мастера прошлого как-то приближались, становились понятнее. Лекции Алексеева скорее напоминали размышления о минувших эпохах, в которых присутствовали не только архитекторы, скульпторы, художники, но и музыканты, философы, поэты, и обычные ремесленники, крестьяне, воины, кухарки, трактирщики... На Алексеева ходили из других институтов. Сработало студенческое сарафанное радио. Студенты из Политехнического, из Военмеха сбегали со своих занятий, чтобы посетить лекции Алексеева по истории искусств. Что-то было такое в его монологах, сопровождавших видеоряд репродукций и фотографий, чего нам тогда, в конце 1970-х очень не хватало. По крайней мере, таким было моё восприятие этого удивительного человека. А потом вышла книга его стихов. Верлибров. И опять ошеломление. Какая-то тайна сопровождала личность Геннадия Ивановича. Дистанция между преподавателем и учеником позволяла только наблюдать издали. Его внешность дореволюционного петербургского интеллигента, некоторая отстраненность, взгляд, как-будто обращенный в другое измерение...

После первого курса Геннадий Иванович руководил нашей обмерной практикой. Нам досталось выполнение архитектурных обмеров исторических надгробий на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Именно наша группа, состоящая из четверых студентов, занималась обмерами надгробия певицы Анастасии Вяльцевой. Геннадий Ивано-

вич приходил каждый день, давал короткие консультации. Но чаще прохаживался по дорожкам Никольского кладбища или одиноко стоял в отдалении. Дни были дождливыми. Я так и запомнила его темный силуэт под зонтиком среди старых деревьев. Один раз перехватила его задумчивый взгляд – он смотрел на барабан с утраченной луковкой над часовой надгробия Вяльцевой.

Курс лекций по истории искусств закончился. Сдали экзамены. Теперь я встречала его только в коридорах института. Очень редко в городе. Один раз в Эрмитаже. Потом он читал нам курс лекций по истории модерна. Тогда этот стиль был только-только реабилитирован. И опять это были не лекции, но погружение в тот ушедший мир особой эстетики, сложных переживаний, отношений, музыки поэзии, моды. Отголоски этого мира таились в пространстве города, который окружал нас.

Один раз, очень волнуясь, я звонила Геннадию Ивановичу с просьбой встретиться с участниками одного литературного объединения. Он легко согласился. Читал тогда свои стихи, отвечал на вопросы. Помню, что удивилась, как легко по окончании этой встречи его обступили участники, просили посмотреть их сочинения. А я робела. По-прежнему он казался мне окруженным тайной, недоступным. Тогда, в литературном объединении, он подошел ко мне, сказал, что надо бы нам встретиться, но его тотчас отвлекли. Я все думала, что решусь еще раз позвонить, показать ему свои стихи. Но

опоздала. Помню прощание в Доме писателей на улице Воинова, 18 (теперешней Шпалерной). Очень пожилую женщину, его мать. Помню слова, с которыми к нему обращались друзья, писатели. И даже помню погоду за окнами Дома писателей. Петербург с ним прощался.

А потом началось странное. Сначала в архитектурную мастерскую, где я работала по окончании института, кто-то из сотрудников принес рукопись неизданного романа Геннадия Алексеева «Зеленые берега». Я читала всю ночь. И это было некое открытие его жизни. Я вспомнила надгробие Анастасии Вяльцевой, его лекции по истории модерна, перечитала его верлибры. Он действительно умел жить одновременно в разных временах. Он был человеком другой эпохи, опоздавший со своим рождением. И Петербург помогал ему возвращаться к самому себе.

Потом была выставка художественных работ Алексеева в Доме Архитекторов. Потом новая книга верлибров. Посмертная. Верлибр – не очень понятный жанр для русского читателя. Лично я люблю только верлибры Геннадия Алексеева. Его спасает самоирония и удивительное чувство юмора.

В 1990-е годы на ленинградском радио у меня был цикл литературных передач «Петербургские новеллы». Одна из передач называлась «Так долго не было меня...» и была посвящена творчеству Геннадия Ивановича. После этого многие, кто знал его при жизни, стали рассказывать мне о нем.

Его сотрудники, друзья. Что-то я узнавала из этих рассказов. Не то, чтобы подробности жизни, но детали, которые запоминались. Например, что его любимыми цветами были розы. Или, что к своему дню рождения он любил сам изысканно сервировать праздничный стол. Что на его рабочем столе, где бы он ни был, даже на отдыхе, всегда стоял портрет Анастасии Вяльцевой.

Был издан роман «Зеленые берега», потом было второе издание. Я перечитывала и поражаюсь удивительному совпадению автора с Петербургом. Мне казалось, что и после смерти Геннадий Иванович Алексеев продолжает свой одинокий путь в петербургской литературе. Его сочинения до сих пор – для посвященных, для тех, кто чувствует душу Петербурга. Его роман, как драгоценный кристалл, в котором преломляется время, и Петербург существует одновременно и в прошлом, и в будущем, и в настоящем.

Когда я говорю, что Геннадий Иванович вошел в мою жизнь, то нисколько не преувеличиваю. Конечно, я была одной из многих его студентов. Наверное, как и меня, он многих задел своим творчеством. Знаю, что у него есть свои фанаты, не побоюсь этого слова. Но главное, стоит лишь увидеть привычные городские брандмауэры, или остановиться на мосту, или различить в саду силуэт статуи, как тотчас почувствуешь присутствие поэта, архитектора, художника. Никто лучше не сказал о петербургских брандмауэрах.

* * *

Алексеев Геннадий Иванович уехал.

Куда?

В самый-самый конец века прошлого. Помнишь певицу
Вяльцеву? Очень блистала тогда.

Вот он к ней и поехал. И жизнью пришлось расплатиться
за дорогу в один лишь конец.

Никому не сказал,
не простился ни с кем, был внезапным отъезд и
тревожным.

Здесь он был одинок, тосковал, и о ней всё писал.
Нам остались стихи о любви и судьбе невозможной.
О не встрече, о жизни, когда торопились часы
на полвека.

Однажды заветную дверцу
приоткрыли и цену назвали, и сердце,
не задумавшись, бросило жизнь на весы.

*Валентина Лелина,
член Союза писателей, член Союза архитекторов*

От составителя

Последние тетради дневников Г. И. Алексеева мне передали его жена и дочь с просьбой подготовить дневники к публикации.

Дневники, включенные в очередной том «Неизвестного Алексеева» занимают в творчестве поэта особое место. В 1986 году, за год до смерти, Геннадий Алексеев сравнил свою жизнь с жизнью Мопассана, прожившего всего 42 года. Перечисляя написанное им за последние десять лет, кроме стихов, романов и рассказов (два из них включены в данный том) он упомянул 600 страниц «дневниковой прозы», из которых *«ни одна страница разумеется не опубликована»*.

Геннадий Алексеев называл свои дневники литературным произведением. Недаром в дневнике 1967 года он вспоминает, как в 1952 году описал в дневнике *«озеро, дорогу, лес и свои чувства»*, охватившие его от *«всей этой красоты и от желания высказать свой восторг»*. Именно эту запись он считает своим *«первым литературным произведением – стихотворением в прозе»*.

Самая ранняя опубликованная дневниковая запись поэта относится к декабрю 1958 года. Не найдены, а по всей вероятности и не сохранились не только его первые дневники, но и дневники 1972–1979 годов, дневник 1981 года.

Алексеев тщательно готовил свои записи к публикации,

иногда датируя отдельные места не тем числом, когда они действительно были сделаны. Последний отредактированный автором и перепечатанный на пишущей машинке дневник относится к 1980 году. Дневники 1982–1987 годов существуют только в рукописном варианте. В них точная дата отдельных записей часто не указывалась.

Ощущение течения времени характерно для всего творчества Алексева. Он считал, что дневники – *«та же машина времени»*, работающая *«в одну сторону – к прошлому, грустная машина»*.

В дневниках Геннадия Алексева, очень откровенных, можно найти ключ к пониманию особенностей его мироощущения. Несмотря на свой успех у женщин, обожание студентов, поэт ощущал себя одиноким. Он признавался, что ему не с кем *«затеять душевный разговор»* и жалел, что не может *«поговорить с Гейне или Джоном Рескиным и поболтать с Врубелем или с Леонидом Андреевым»*.

Именно поэтому Геннадий Алексева с жадностью читал *«всяческие мемуары, автобиографические записки, дневники, думая, будто здесь можно найти какие-то ответы или хотя бы намеки на них»*.

Хочется надеяться, что читатели дневников Геннадия Алексева тоже станут искать и может быть, найдут ответы на мучащие их вопросы.

А. М. Ельяшевич

Дневники

1980

1.1

Приветствую тебя, 1980-й! Что сулят мне твои 365 дней? Уповаю на твою благосклонность, на твою осмотрительность, на твою порядочность, на твое великодушие.

2.1

Человек лет сорока. Одет странно: длинное помятое пальто, нелепая, надетая набекрень шапка, кирзовые солдатские сапоги. На лице человека бессмысленная младенческая улыбка. Он тащит за собой на веревочке игрушечный автомобильчик.

7.1

Давно не был на кладбище, давно не навещал могилу отца. Приехал и удивился – кладбище не узнать. Оно превратилось в парк с красивыми зелеными газонами и прямыми, посыпанными желтым песком дорожками. Памятников нигде не видно. Однако наш «семейный склеп» почему-то уцелел, только ограда исчезла. «А без ограды даже лучше», – подумал я и вдруг заметил, что у надгробия отца появился

металлический люк. «Что еще за новости!» – рассердился я и, подняв крышку люка, заглянул внутрь.

Вниз шла узкая металлическая лесенка, и оттуда, снизу, доносились человеческие голоса. С замирающим сердцем стал спускаться в отцовскую могилу. «А где же гроб? – недоумевал я. – Куда он подевался?» Подземелье было глубоким, и чем ниже я опускался, тем светлее становилось, тем громче звучали голоса. И вот я очутился в большом, ярко освещенном зале современной архитектуры. Потолок поддерживали тонкие бетонные столбы, стены были облицованы красно-коричневым мрамором. Тут и там группами стояли люди. Они что-то оживленно обсуждали, о чем-то спорили. Некоторые сидели за столами и что-то читали.

– Как это прикажете понимать? – обратился я к проходившему мимо человеку. – Где останки моего отца, моего деда и моей бабушки? Почему не сообщили? Отчего не предупредили? Это безобразие! Это сущий произвол! Кто позволил разорять кладбище? Кто разрешил строить под землей это учреждение? На земле, что ли, места мало?

– Мало, – ответил человек, – на земле уже совсем места не осталось. А от кладбищ никакого проку.

– Но ведь есть же какие-то моральные принципы! – закричал я. Есть традиции, которые нельзя разрушать! Это цинизм! Вы осквернили прах моих родственников!

– Обратитесь к директору, – сказал человек. – Впрочем, его сейчас нет, он придет через час. Вы пока погуляйте.

Целый час я слонялся по подземелью. Оно было обширным. Анфилады высоких светлых залов сменялись узкими полутемными коридорами. Кое-где потолки были стеклянными. Сквозь них проникал солнечный свет.

Открыв какую-то дверь я очутился вдруг на многолюдной улице, которая показалась мне знакомой. «Что же это за улица?» – думал я, стараясь припомнить, как она называется. Но так и не припомнил.

В одном из залов под стеклянной крышей цвели какие-то экзотические цветы, лианы вились по стенам и оплетали мраморные колонны. «Чудеса! – думал я. – Что же это за учреждение? Куда я попал?»

Наконец я вернулся туда, откуда началась моя прогулка по подземелью. Мне показали директора. Он был в грязной рабочей одежде – в ватнике, в заляпанных белой краской штанах. На голове у него была кепка, надетая козырьком назад. За ухом торчал карандаш. «Какой смешной директор!» – подумал я и без обиняков спросил его:

– Где мои родственники?

– Они там, – сказал директор и постучал ногой в пол.

– Где это там? – спросил я строго. – Вы мне голову не морочьте! Я на вас жалобу напишу! В верховный совет, в Организацию Объединенных Наций!

– Пойдемте, – сказал директор, смачно сплюнув в угол и утершись рукавом ватника.

И мы стали спускаться по еще одной лестнице, которая,

как мне показалось, вела прямехонько к центру Земли.

– Вот, пожалуйста! – сказал директор, ткнув рукой куда-то в сторону.

Я увидел, что из стены на разной высоте торчат толстые закоптелые деревянные балки. На них положены доски, а на досках навален всякий хлам – колеса велосипедов, жестяные тазы, безногие стулья, поломанные рамы от картин, допотопные радиоприемники и телевизоры. Среди этих предметов я разыскал глазами три гроба. Они были очень старинные, добротные, обитые железом и испещренные какими-то непонятными надписями.

– Вот здесь ваш отец, – сказал директор и постучал согнутым пальцем по крышке того гроба, что стоял поближе. – А вот там ваши дедушка и бабушка, – добавил он, указав на другие гробы.

– Это не те гробы! – заявил я. – Зачем вы потревожили кости моих предков? Зачем вы их переложили?

– Да ну вас! – произнес директор и исчез.

Одно из велосипедных колес сорвалось с досок и подкапилось к моим ногам. Где-то высоко надо мной скрипнула дверь, и тотчас погас свет. «Вот и хорошо, – подумал я, вот и прекрасно!»

8.1

За столом восемь человек: поэт, две поэтессы, актриса, актер, самодеятельная певица, художник и инженер.

Самодельная певица неплохо спела арию Маргариты из «Фауста», инженер ловко спародировал одесскую блатную песню, а актриса с большим чувством прочитала стихи Рубцова.

Тогда заговорил поэт. Он дал понять всем присутствующим, что не ставит ни в грош творения Рубцова. И сразу с ним согласились обе поэтессы. Но актер стал возражать, и возник спор. Через полчаса все сошлись на том, что Евтушенко, Вознесенский и Ахмадулина – дерьмовые стихотворцы. Но поэт не унимался и высказал предположение, что современные поэты тоже пишут дрянь. При этом было ясно, что себя он к «прочим» не относит.

Поэтессы спросили: «А Кушнер? А Соснора?» Поэт ступешался и умолк. Тут стали рассказывать анекдоты. Лучше всех это делали инженер и актриса.

Анекдоты имели шумный успех.

Потом кто-то попросил поэта почитать стихи. Поэт насупился и сказал, что после анекдотов он никогда не читает.

– Конечно! Конечно! – закричали поэтессы. – Лучше в другой раз!

– Еще один анекдот! – сказала актриса. – Самый последний, – и она рассказала нечто очень смешное, но крайне непристойное.

– Ну вы даете! – изумился поэт.

Актриса покраснела и нервно засмеялась.

10.1

Отдел художественных открыток в магазине изопродукции.

На витрине лежит открытка с репродукцией «Красного коня» Петрова-Водкина. Перед витриной стоят двое – мужчина пенсионного возраста в меховой шапке и женщина лет сорока в клетчатом шерстяном платке. Мужчина явно городской, а женщина – из деревни. Мужчина обращается к молодой, модно одетой продавщице:

– Скажите, девушка, почему здесь, на открытке, красный конь? Ведь красных коней не бывает!

Продавщица улыбается. Не отвечает.

– Нет, вы мне все-таки объясните, – настаивает пенсионер, – чего ради конь стал красным? Что за причуда? Почему художникам разрешают делать такие нелепости? Почему они безнаказанно издеваются над народом? Нет, вы, пожалуйста, ответьте.!

– И зачем разрешают выпускать такие открытки? – подхватывает женщина в платке. – Ведь это же надо придумать! Красный, совершенно красный конь!

Продавщица смеется:

– А я-то тут при чем? Я продаю то, что у меня есть. Не сама я печатаю репродукции!

– Вот именно! – говорит мужчина. – Все умывают руки! Полнейшая безответственность!

13.1

Юбилей Улановой. Ей исполнилось 70. Чествование великой балерины в Большом театре передают по телевидению.

Уланова сидит одна в ложе у сцены. О ней говорят. На экране возникает ее детская фотография – девочка лет пяти со светлой челочкой и с бантиками в коротких косичках. Далее идут кинокадры 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годов. Уланова на сцене. Уланова на улицах Лондона. Уланова в тренировочном зале с учениками и ученицами. И снова объектив телекамеры направлен на живую, семидесятилетнюю женщину все с той же светлой челкой над глазами.

Потом актеры, танцовщики, певицы подносят ей цветы. Уланова кладет их перед собой на ограду ложи. Гора цветов все растет, постепенно закрывая балерину. Ее руки и грудь уже скрылись, а цветы всё подносят и подносят.

Читают посвященные ей тексты Бернарда Шоу, Томаса Манна, Романа Роллана. Она спокойна. Она даже не улыбается, лишь едва кивая головой в ответ на славословия.

Ее называют неповторимой, единственной, несравненной, ослепительной, чудом века. Говорят, что эпитет «гениальный» для нее слишком скромно, что следует придумать какое-нибудь другое, новое слово.

И снова кинокадры, и снова восхваления.

14.1

Пишу рассказ о своей поэме «Жар-птица», о том, как она

создавалась и что было с нею после. Мне не нравится то, что я пишу, но, как всегда, мною овладевает неодолимое желание закончить начатое.

С брезгливостью дописываю вполне реалистический и довольно длинный рассказ о поэме, которая появилась на свет 19 лет тому назад и которую я уже давно не люблю.

16.1

Я не от мира сего и не от века сего, и мой удел – недоумение.

Почему эпигонские стихи Мандельштама столь волнуют интеллигенцию? Отчего посредственный прозаик, посредственный актер и посредственный кинорежиссер Шукшин стал любимцем публики? Почему люди часами стоят в очереди, чтобы попасть на выставку авантюриста Глазунова?

Встретил в Доме писателя Глеба Горбовского. Постояли, поговорили.

– Меня по-прежнему не печатают, – пожаловался я.

– Пеняй на себя, – ответил Горбовский, – ты же сам придумал себе такую биографию. Пиши, как все, – будут печатать.

– Теперь уже поздно, – сказал я.

17.1

Истинная поэзия – это всегда формула времени.

Каждая эпоха оставляет нам несколько, всего лишь несколько таких формул. Прочие стихи – лишь приближение к поэзии или бессмысленное противостояние ей. Умение писать, но неумение формулировать порождает потоки подчас красивых, но вовсе не обязательных слов и строчек, которые быстро теряются в пустоте забвения.

Смысл творчества, как и жизни вообще, в постоянном генерировании нового.

Я повторяюсь – значит, я мертв. Я еще могу воскреснуть, но не исключено, что это последнее, окончательное мое исчезновение.

20.1

Она была наделена той очаровательной глупостью, которая так к лицу молодым хорошеньким женщинам. «Ой, – говорила она, – а я и не знала!» Или: «Вы шутите, я вам не верю! Вы просто надо мною смеетесь!»

«Господи, до чего же она глупа!» – думал я, наслаждаясь своим интеллектуальным превосходством.

Но она превосходила меня искренностью, доверчивостью и жизнелюбием.

Акмеисты предали породивший их двадцатый век. Они искусны, но это искусство копиизма.

24.1

В моих картинах и в моих стихах запечатлена суть реальности, а не ее видимая оболочка.

В моем пространстве очень тесно. Его загромождают чудовища. С трудом пробираюсь между их чешуйчатыми когтистыми лапами. Почему мне досталось такое пространство?

Тревожно в мире, по-прежнему тревожно. И все в нем не ново: нетерпимость, коварство, фанатизм, жадность, трусость, властолюбие и недомыслие. Великие идеи по-прежнему требуют человеческих жертв. И жертвенная кровь брызжет в небеса.

А ведь уже побывали на Луне, увидели вблизи Венеру, Марс и даже Юпитер.

Я пишу по-своему. Никто в России не пишет ничего подобного. Я вполне самобытен, и в этом мое несчастье.

Читатель сторонится оригинальности, он предпочитает узнавать в стихах нечто знакомое. Поэтому у меня нет читателя.

Я актер, с усердием играющий свою роль перед пустым залом. Когда я закончу, я поклонюсь в пространство, и аплодисментов не будет.

Мое существование в литературе противоестественно. В его прекращении не было бы ни крупинки трагического. Естественность восторжествовала бы.

25.1

Дом писателя. Литературный вечер, посвященный Крылову. Великий баснописец был неопрятен, много ел и много спал. Спать он умудрялся везде – и дома, и в гостях, и на службе...

14 декабря 1825 года Иван Андреевич весь день простоял на Сенатской площади – наблюдал. Вскоре его вызвал Николай и спросил, зачем он явился на мятежную площадь. «А я думал, что пожар», – простодушно ответил баснописец.

Он был женат на своей кухарке и имел от нее детей. В молодости он уповал на Павла, но когда тот стал царем, в нем разочаровался. Николай его любил и награждал орденами. Частенько его приглашали в Зимний дворец, где он обедал в присутствии царской семьи.

На смертном одре, до самой последней своей минуты, Крылов мучил и балагурил.

27.1

Истина мне неведома, но временами мне кажется, что она где-то рядом.

Поэзия – это сама жизнь. А проза – работа, тяжелое изнурительное ремесло.

Стихотворение – это вздох печали, вопль отчаянья или ироническая улыбка. А роман – большой корабль или мно-

гоэтажный дом. Его надо строить и строить. И неизвестно, что получится: поплывет ли кораблю? Не рухнет ли возведенное сооружение?

Сезанн циничен. Он препарирует мир, как патологоанатом. Он говорит: «Поглядите, как просто все устроено – желтая плоскость, серая плоскость, зеленая плоскость... А вы молились этому цветку, этой женской руке, этому облаку!»

29.1

Рукопись моей второй книги сдана в набор два месяца тому назад.

– Чего они тянут? – спрашиваю я в редакции.

– Некому набирать, – отвечают мне, – не хватает наборщиков. А те, что работают, все пьяницы, неделями не появляются в типографии. Если их уволят, типографию вообще придется закрыть.

Три года назад, когда я принес рукопись в издательство, в ней было восемьдесят стихотворений. Сейчас осталось шестьдесят. Среди отвергнутых – все лучшее.

– Да, это действительно самое лучшее, – говорит мой редактор, – но не будем дразнить гусей, они больно щиплются. Если вы хотите иметь вторую книгу, соглашайтесь на жертвы. Поверьте мне, я желаю вам добра!

Я знаю, что у редактора есть нюх и он действительно желает мне добра. И я соглашаюсь на тяжкие жертвы.

Грех жаловаться и не верить в прогресс: моя первая книга провалялась в этом же издательстве целых семь лет.

30.1

Вспоминаю прошлое лето.

«Старая Сильвия» в Павловском парке. Сажу на скамейке. Предо мною зеленый луг. Слева и справа купы густых деревьев. В глубине, на лугу, одинокий раскидистый дуб. За ним роща серебристых ив.

Тихо, тепло. На небе прозрачные волокнистые облака. Вдруг порыв ветра. Шум листвы, ее мерцание под солнцем.

Мимо меня по аллее проходят две женщины. Одна говорит другой: «Никто не знает, никто не знает. И я не знаю, и я ничего не знаю».

Тень от набежавшего кучевого облака упала на лужайку, на дуб, на дальние ивы. Прилетел шмель. Сел рядом со мной на скамейку, поползал, пошевелил усиками. Улетел.

Рижское взморье. Булдури. Пивная на берегу. Сажу, пью пиво, гляжу на море. Оно серое, неподвижное. На горизонте оно сливается с таким же серым небом. По его почти неразличимой кромке медленно ползет небольшое судно. Оно тащит за собой длинный хвост дыма.

По пляжу бродят полуголые люди. Девушка в красном платье босиком бежит по сырому песку у воды. Старик собирает пустые бутылки в большую зеленую сумку.

Поэзия – это крик души. Но она же и игра в слова. Ко-

гда только крик или игра, поэзия исчезает. Она боится однозначности.

Не могу сказать о себе как о поэте: «Я пою». Поэзия и музыка существуют для меня отдельно. Но мои стихи не чужды музыке двадцатого столетия.

31.1

Продолжаю вспоминать прошлогоднее лето.

Сигулда. Чистенькая привокзальная площадь. Свежие, незатопленные газоны, цветники. Иду к реке. Справа – старинная белая церковь. Перед ней небольшой пруд. В пруду плавают лебеди.

Длинный пологий спуск в речную долину. С двух сторон на высоких холмах лиственный лес, напоминающий наши пригородные парки. Наконец, мост через реку. Стою и люблю пейзажем.

Река неширока и неглубока, но до крайности живописна. В ее красной воде отражается небо. Внизу, под мостом, мальчики ловят рыбу. Они стоят в воде по пояс, то и дело забрасывая свои удочки. Течение быстрое, и поплавки сразу сносит в сторону. По мосту не останавливаясь проходят толпы туристов.

1.2

Русский человек – особенный человек. Никто не способен его понять. Сам себя он тоже не понимает.

Молодой, а точнее, еще не старый поэт из «непризнаваемых» более часу читал длиннейшую поэму о половом акте. Это было написано ровным, величавым классическим стихом в духе Тютчева и Мандельштама. Когда он кончил, я спросил его, к чему он стремится в своем творчестве. «К духовности», – ответил он.

Поэты всех мастей объединились в своей ненависти к Вознесенскому. Они невзлюбили его за успех.

2.2

Проза удручает своим многословием. Так и подмывает убрать все лишнее, выжать воду и оставить субстрат. А он не что иное, как поэзия.

Пишу прозу и мучаюсь.

3.2

Парадная жилого дома на Невском. На полу осколки бутылок, окурки, клочки бумаги, лужа мочи. Стены исцарапаны непристойными надписями.

Прогулка к новой гостинице, построенной на самом берегу залива шведской строительной фирмой. По странной иронии судьбы она находится на том самом месте, где 280 лет тому назад стоял Петр и думал о том, что «отсель грозить мы будем шведу».

Здание воздвигнуто с таким тщанием, которое немисли-

мо в нашем великом отечестве. Шведы взяли реванш.

С эспланады гостиницы открывается вид на белую, снежную пустыню. На горизонте чуть заметна серая полоска Кронштадта с зубцом собора. У кромки берега еще видны остатки гигантской городской свалки, располагавшейся здесь столь недавно.

Пытаюсь найти свой прозаический стиль. Мне не по душе тягуче-описательная проза. Предпочитаю динамику, упругость и немногословие. Все необязательное следует безжалостно отбрасывать. Главная трудность – точно определить, что обязательно.

Менее всего я ценю в поэзии пресловутую задушевность. Растрогать читателя не так уж трудно. Столь же легко дается внешнее «изящество».

Подлинные стихи – это сложные, многозначные смысловые и ритмические структуры, чья красота подобна красоте мироздания и чья правда, высшая, опаляющая душу правда, доступна лишь немногим.

Адольф Лоос, имея в виду архитектуру, говорил, что орнамент – это преступление. Рифма – тот же орнамент. Она мешает воспринимать само «тело» стиха, его форму. Часто она маскирует отсутствие этого тела, и появляются тысячи стихов-призраков, рифмованных опусов, которые лишь выглядят стихами. Рифма профанирует искусство поэзии и по-

рождает толпы рифмачей.

В непрременной рифменной орнаментальности, столь привычной для русских стихотворцев и их читателей, есть нечто восточное, что вообще присуще русской культуре.

5.2

Надо иметь мужество быть в искусстве одиноким.

Я всегда сторонился всяких кружков, сообществ, объединений, я всегда был сам по себе. За это многие меня не любили. И сейчас не любят.

Но одиночество помогало мне сохранить свое лицо, его «необщее выражение».

1945 год. Осень. Орел. После четырехлетнего перерыва я впервые в театре – родители взяли меня на вечерний спектакль, потому что я уже большой, мне тринадцать лет.

В наскоро восстановленном здании показывают пьесу Погодина «Кремлевские куранты». Когда на сцене появляются Ленин и Сталин, все зрители встают и долго аплодируют. И я встаю, и я аплодирую, испытывая волнение от сопричастности к чему-то великому.

Моя поэзия – интонационно-смысловая. Это игра в смысл и бессмыслицу. Это вопросы и ответы. Или вопросы без ответов. Или ответы на никем не заданные вопросы.

Это бесконечные диалоги с тем, кто во мне, предо мною

и надо мною.

От природы чувствительный, я борюсь с эмоциями изо всех сил. В этом мне помогает ирония.

Моя борьба небезуспешна: некоторые полагают, что у меня нет эмоций.

1944 год. Лето. Станция Геок-Тепе. В нашем дворе живет девочка лет четырнадцати (мне – двенадцать). Я безумно в нее влюблен.

Я невинен, но тайны половой жизни мне уже известны. Меня мучает вполне осознанное желание к этому длинноногую курносому существу с едва наметившимися женскими формами. По ночам мне снятся сладкие, но пока еще расплывчатые сексуальные сны.

Простота всегда возвращает нас назад, к архетипу, к первозданности и в конце концов к нулю, к пустоте. Сложность же ведет вперед, в неведомое и бесконечное. Будущее в сложности.

Но часто дурная простота лишь притворяется многозначительной сложностью, а настоящая сложность выглядит простоватой.

6.2

Шумная многолюдная улица в центре города. Импозант-

ный фасад бывшего доходного дома в неоклассическом духе. Высокая арка, ведущая во двор. Куча мусора посреди двора (кто-то, развлекаясь, вывалил мусор из жестяных баков). Полутемная лестница. Совсем темная кабина лифта (кто-то для удовольствия разбил лампочку). Огромная коммунальная квартира (семь звонков у входной двери). Большая комната, тесно заставленная старой мебелью. Пожилая интеллигентная женщина с широким округлым лицом и грузным телом.

Говорим о литературе. Она показывает рукописи, фотографии. Потом читает свои стихи и под конец угощает меня чачей. Стихи обыкновенные, каких много. А чача очень крепкая и сразу ударяет в голову.

За окном фиолетовые петербургские сумерки – заснеженная крыша, трубы, телевизионные антенны.

Я пишу стихи, потому что мне надо высказаться.

Поэзия для меня не роковая губительная страсть и не спасительная религия, а средство для выражения моего сокровенного, моей «самости». Поэтому я не испытываю чувства единения со своими собратьями по перу и ощущаю себя так, будто я единственный поэт на свете.

Я одинок, и я должен быть одинок, ибо я есть я, а все остальные – это всего лишь все остальные.

Я одинок, но я должен страдать от своего одиночества, а не упиваться им, ибо упоение одиночеством растворит меня

в предельности и я исчезну.

7.2

1945 год. Орел. Мы с отцом собираем грибы в пригородном лесу. Грибов великое множество, а грибников не видно – мы совсем одни. Берем только белые. Они растут под березами и под дубами большими семьями, по 10–15 штук. Никогда в жизни, ни до, ни после этого послевоенного сентября, я не видел такого грибного изобилия. Говорят, что грибы к войне, а это было начало мира. В городском парке еще стояли подбитые «тигры» и «пантеры», а город был в руинах. Перед отступлением, как рассказывали местные жители, немцы методично взрывали дом за домом.

10.2

Человек – существо сомнительное. Но в мире пока что не обнаружено ничего лучшего.

Часами разглядываю фотографии Пергамского фриза. Будь проклято средневековье!

15.2

В гостях у композитора «легкого жанра» Пожлакова. Он с утра пьян, но продолжает пить и угощает меня. То и дело он садится за рояль и играет сочиненные им мелодии для «Стеклянного зверинца» Уильямса – эту пьесу мы с ним пытаемся приспособить для Театра музыкальной комедии.

– Зося! – кричит Пожлаков. – Зоська! Куда ты подевалась?

Из кухни появляется его жена – довольно пикантная особа лет тридцати. Поставив на стол жареную курицу, она подходит к роялю и поет песню на стихи Горбовского. Пожлаков с большим чувством ей аккомпанирует. Потом едим курицу, и Пожлаков объясняется мне в любви – я понравился ему с первого взгляда.

Приходят гости, приехавшие из Москвы. Следует новый взрыв пьяного энтузиазма. Снова пьем водку. Снова Пожлаков играет, а Зося поет. Внезапно выясняется, что она не Зося, а Нина. Пожлаков упорно зовет ее «Зося», потому что ему страшно нравится это имя. А она Нина, по отчеству Александровна. И она певица из Ленконцерта.

Около полуночи, изрядно выпивши, я отправляюсь домой.

– Вы извините, если что не так, – говорит мне Зося-Нина в прихожей.

– Ах, что вы! Все как раз так! Все чудесно! – отвечаю я и целую ей руку.

16.2

Было время смутных предчувствий. Было время утомительных, но неустанных поисков. Было время удивительных, редкостных находок. Было время великих, радостных надежд. Было время трагических разочарований. Наступило

время позорного прозябания. Близится время безмерного отчаянья, и вслед за ним придет последнее время – время гибели.

У Бунина каждый второй «любовный» рассказ кончается смертью героини. Бунин был эгоист и собственник, он не хотел, чтобы придуманные им женщины продолжали жить какой-то своей, неизвестной ему жизнью. И он безжалостно убивал их.

Рассказы от этого выигрывали – появлялся впечатляющий драматизм, получалась композиционная завершенность. Но когда читаешь все рассказы подряд, однообразие их сюжетных развязок начинает восприниматься почти юмористически. Прелестные молодые создания, им бы еще жить да жить, но они умирают одна за другой, и весьма неожиданным образом. Причины смерти Бунин старался разнообразить: тут и чахотка, и неудачные роды, и кровожадная ревность любовника, и самоубийство.

Но как красиво, как пронзительно пишет, подлец!

До Пушкина русская поэзия была доморощенной, наивно-провинциальной. Трудно сейчас без улыбки читать Тредьяковского, Державина и даже Жуковского. Пушкин поднял русскую словесность на европейскую высоту, но эту высоту он не превзошел.

Для России он был великим новатором и просветителем,

для Европы – способным учеником.

Русскому читателю Пушкин представляется величайшим светочем поэзии, европейскому – не лишенным таланта стихотворцем с неустоявшимся стилем и мировоззрением. В мировом масштабе Пушкин поэт средний.

Культ Пушкина приобрел у нас болезненно гипертрофированные формы. Пушкин сделался опорой и знаменем литературного конформизма. Тысячи поэтических улиток присосались к подножию его гигантского монумента. Все они дышат Пушкиным и его берегут.

Двадцатый век страшноват, но живописен. В нем есть своеобразная мрачная красота. Весь тяжкий опыт мировой и отечественной истории последних семи десятилетий зовет к новому, невиданно экспрессивному, трагическому искусству. Но такого искусства нет. Опутанная паутиной традиций русская литература и не пытается освободиться.

Нынешняя наша поэзия не более чем литературный музей и похожа на нынешний балет: красиво, но так танцевали и в XVIII веке.

У дверей Дома писателя повстречался с критиком Р.

– Мне не понравилась ваша подборка в «Звезде», – сказал он. – Какие-то совсем не ваши стихи. Даже странно.

– Они написаны в дни моей литературной юности, – ответил я. – Это мое начало. Даже не само начало, а то, что было

перед ним, прелюдия.

– Зря вы их напечатали, – продолжал Р., – это ваша ошибка. Я везде вас хвалю, и вдруг на тебе! Вы меня подвели.

– Простите, больше не буду! – сказал я.

17.2

Любая религия – род самогипноза. Но беспощадная явь лучше успокоительной полудремы. Здоровый интеллигент не приемлет идею Бога как высшего существа, заинтересованного в человечестве. Это выглядит слишком просто и наивно. Это приманка для несложных людей.

Но в искусстве воистину есть нечто божественное, трансцендентное, ибо часто оно не подвластно разуму и преисполнено загадочного величия. В минуты творческого экстаза поэт и художник подобны богам. Но бессмертны, увы, только их творения.

Рембрандт мягок сердцем и правдолюбив. Людские несчастья не дают ему покоя. Как все реалисты, он смотрит на человека в упор. При такой позиции человек кажется маленьким, беспомощным и эфемерным, над ним хочется плакать.

Куда важнее взглянуть на человека издалека. Тогда становится очевидным, что он не слишком мал.

Так глядели древние эллины, делла Франческа, Леонардо и современник Рембрандта – Жорж де Латур. Даже Карава-

джо, при всей его пристрастии к грубой телесности, видел в человеке величие.

Любовь к ближнему, столь нужная в человеческом общении, в искусстве скорее вредна. Она закрывает перспективу.

Идет снег. Прижимаясь лицом к стопам своей музы, я стараюсь не думать о будущем. Его контуры скрыты за пеленой снега. Муза стоит неподвижно. О чем она думает?

18.2

Перечитываю свою «классику» – стихи 1965–1970 годов. Как сладко, как хорошо мне тогда писалось!

Мир и человек таинственны. В этом их очарование. И не надо бороться с тайной, надо полюбить ее.

Жизнь – это Голгофа. И следует верить в свое воскресение. Иного выхода нет.

Беседа с одной из поклонниц.

Наивное, чистое душой, большеглазое существо. Искренне удивляется, что я совсем неизвестен, что меня так мало печатают. «Но почему? Неужели они не понимают? Как можно это не понимать? Как можно это не печатать? Эти стихи должны читать все!»

Поэт обязан быть культурным. Но культура – это лишь почва, на которой произрастает вечно юное и вечно дикое древо поэзии. Поэтическая форма, быстро становящаяся культурной, традиционной, то и дело взламывается, разрушается, преодолевается и творится заново. Этим и жива поэзия. Без этого она превращается в унылое ремесло.

19.2

У Жюль Ренара наткнулся на фразу: «Робеспьер ел одни только апельсины».

Робеспьер сказал:

– Неплохо бы подкрепиться!

Ему принесли ростбиф с кровью, а он заявил:

– Это я не ем!

Ему предложили паштет из гусиной печени, а он крикнул:

– Это я тоже не ем!

Ему притащили молодого фазана по-авиньонски, а он прошептал:

– И это я тоже никогда не ем!

Тогда ему сунули вазу с апельсинами, и он не произнес ни слова, он стал поедать апельсины один за другим.

– Ай да Робеспьер! – сказали все. – Ну и умница! Тащите сюда ящик апельсинов!

А Робеспьер молчал и только чавкал. Робеспьер пожирал

апельсины. Еле оттащили его от ящика – побоялись, что объедся.

Вот какой был Робеспьер странный!

Есть только две достойные философии – эпикурейство и стоицизм. Существует множество их вариаций.

Христианство – одна из разновидностей стоицизма.

Моя заброшенность и моя неуместность безысходны. Они всегда будут порождать во мне отчаянье. Поэтому стоицизм – единственно возможная для меня философская опора.

Конкретизируясь, мой стоицизм становится экзистенциализмом. Хочется верить, что в муках и таится мое истинное счастье.

20.2

Поклонник из Вологды. Работает в театре, пишет стихи под Вознесенского. Два часа говорил без умолку. Время от времени извинялся: «Вы простите, мне надо выговориться. В Вологде, знаете ли, некому».

Искусство – это метод плюс мастерство. Возможны три варианта: 1) банальный метод и высокое мастерство – искусство ущербно-традиционное, 2) своеобразный метод, но недостаток мастерства – искусство поверхностно-новаторское, 3) и метод и мастерство безукоризненны – искусство высочайшее. Метод порождает мироощущение и чувство времени. Мастерство может быть следствием природной талантливости или усердия. Большинство творений професси-

ональных литераторов – плоды бесталанного усердия.

21.2

Май 1942 года. Краснодар.

Я сплю. Мне снится довоенное лето. В чистых новеньких штанишках и в красивой, только что купленной курточке я стою на берегу пруда и сачком ловлю тритонов. Поскользнувшись, я падаю в жидкую грязь, барахтаюсь в ней и не могу подняться. Подбегает мама.

– Вставай, вставай скорее.

Я просыпаюсь и вижу над собой мамино лицо.

– Вставай! – повторяет мама. – Тревога!

Быстро надеваю ботинки (спал я одетым) и хватаю «бомбежный» чемоданчик – в нем шерстяные носки, полотенце, кулек с сухарями и довоенная плитка шоколада.

Торопясь, спускаемся с мамой по лестнице. Уже бьют зенитки, и стекла звенят от их выстрелов. Когда мы добираемся до подъезда, начинают падать бомбы – ясно, что до бомбоубежища нам не добежать.

Садимся на ступеньку. Мама прижимает к себе меня, а я прижимаю к груди бесценный чемоданчик. Бомбы падают все ближе. Сначала где-то высоко возникает тонкий пронзительный свист, который становится все толще и громче, превращаясь в оглушительный вой. Потом – грохот взрыва. От взрывной волны дверь парадного распаивается настежь. Становится виден ярко освещенный двор – вместе с бомба-

ми немцы бросают осветительные ракеты. Посреди двора, эффектно фонтанируя, горят зажигалки.

Рядом с нами сидят наши соседи по лестнице, они тоже опоздали в бомбоубежище. В промежутках между разрывами и выстрелами зениток слышен ровный, густой гул самолетов. Они продолжают спокойно бомбить нас, зенитки, видимо, им не помеха.

Одна из зажигалок падает около раскрытой двери, и сноп белых искр сыпется в подъезд. Плачут перепуганные дети.

22.2

1941 год. Июнь. Еду с родителями в Краснодар. Через несколько дней начнется война.

Гляжу в окно. Поезд подходит к большому городу где-то в средней полосе России. Впереди виднеются колокольни и главы церквей. Над ними выются тучи галок. Какой это был город? Тула? Орел? Курск? Или, может быть, Воронеж?

Есть писатели, которые очень любят народ, и народ платит им тем же. Есть писатели, которые обожают народ, но народ к ним равнодушен. Любовь без взаимности терзает писателей, но они не охладевают к народу и всё ждут – а вдруг народ их наконец-то полюбит! Есть и такие писатели, которые к народу равнодушны, но народ их за что-то любит. Наверное, за то, что они хорошие писатели.

23.2

Отчего я с таким нетерпением жду вторую свою книгу? Она ничего не изменит в моей судьбе.

С наслаждением наблюдаю агонию зимы. Не люблю я зиму. Дни становятся длиннее, света все больше. Воробьи уже не сидят нахохлившись на карнизах, а с веселым чириканьем порхают по двору. Иногда они собираются в стаи и поднимают галдеж, который длится часами. Чувствуют, что весна близко.

Новый главный редактор «Невы» Хренков наотрез отказался печатать мои стихи. «Это естественно», – говорят мне друзья и доброжелатели. Весь ужас в том, что мое многолетнее прозябание и впрямь вполне естественно. Мой успех мне самому показался бы странным. Для чего же пишу? Как опостылела мне позорная двусмысленность моего бытия! Как омерзительна мне моя служба – эти лекции, из года в год одни и те же, эта «наука», которой я обязан заниматься, это «начальство», пред которым мне приходится склонять голову! Чего бы не отдал я за один год свободы.

У Платонова все держится на языке, на стиле. Сюжеты его рассказов и повестей незамысловаты, а герои его в большинстве первоначально просты и невзыскательны, как растения. Но какое густое письмо! Какая речь! Какой изумительный синтез наивности, иронии и некоей восточной пышности!

«Солнце зашло в раскаленном свирепом пространстве, а внизу на земле осталась тьма и озабоченные люди с трудным чувством в сердце,

поникшие в своих избах без всякой защиты от беды и смерти».

«Я шел один в темном поле, молодой, бедный и спокойный».

Стихи Платонова до сих пор не переизданы. Интересно, похожи ли они на его прозу?

24.2

Стремление человека до конца познать себя кощунственно. Человек должен оставаться величайшей тайной вселенной.

Он – зеркало, в котором отражается все сущее.

Он – узел, к которому сходятся все нити.

Он – чаша, наполненная неведомой влагой.

Он – кристалл, светящийся загадочным внутренним светом. Человек должен смотреть на себя снизу вверх.

25.2

Банкет выпускников нашего факультета в Доме журналиста.

Пью водку и танцую с девицами, которые еще вчера были студентками. Оказывается, все они читали мои стихи и все от них в восторге. Просто раньше они стеснялись мне это сказать.

Парни заводят со мной разговоры на «скользкие темы»: почему не выставляют Филонова и Малевича? Почему так

мало пишут о Мельникове и Леонидове? Почему у нас так плохо строят?

Глухонемые в автобусе. Три парня и одна девушка. Рослые, стройные, модно одетые. Весело толкают друг друга и улыбаются. Жестами что-то говорят, видимо шутят. У них вполне естественный и счастливый вид. Только они не издают ни звука.

Это похоже на кадры немого кино.

27.2

Римская империя погибла, но римская цивилизация оказалась бессмертной, она возродилась в Европе Нового времени.

И вот опять гибнет великий Рим. Дряхлеющая, изнеженная Европа на краю пропасти. Мыслимо ли второе Возрождение?

28.2

1943 год. Фергана. Вдвоем с приятелем пытаемся забраться в чужой сад, который огорожен высоким старым дувалом. Приятель лезет первым, я его подсаживаю. Он ставит ступню на глиняный выступ и, чтобы удержаться, засовывает руку в широкую щель.

И вдруг раздается страшный, душераздирающий вопль – мальчишка падает на меня, и мы вместе валимся на землю. С

ужасом я замечаю большого скорпиона, повисшего на пальце моего дружка. Парень непрерывно истошно орет. С разных сторон сбегаются люди. Скорпиона отрывают, швыряют на землю и растаптывают. Вскоре приезжает санитарная машина, в которую сажают нас обоих. Едем в ближайшую больницу, и там пострадавшему делают укол, после чего он быстро успокаивается. На той же санитарной машине нас отвозят домой. Мы чувствуем себя героями.

29.2

Держу в руках корректуру своей второй книги. Читать как-то боязно – вдруг совсем не понравится? Вдруг все это покажется мне бледным, скучным, никуда не годным?

В книжке 61 стихотворение (в первой были сорок пять стихотворений и одна поэма). Если не произойдет ничего сверхъестественного, к лету книга будет напечатана.

1.3

Завидую прозаикам, которые умеют писать длинно и витиевато, которые ловко плетут тончайшие кружева из слов. У меня же все выходит как-то просто, кратко и оголенно. Быть может, это и есть мой прозаический стиль?

Пишу на кухне. В квартире все уже спят. Бодрствуют только механизмы: урчит холодильник, тикают часы. Издалека, с улицы, доносится гул ночных трамваев.

2.3

Весь день идет крупный мокрый снег. В городе слякотно, но красиво.

Гуляли с Е. по Каменному острову, бродили по протоптанным в снегу тропинкам. Е. похудела и еще больше похорошела. В ее бледном лице, в светло-зеленых прозрачных глазах, в тонких запястьях, во всей ее узкой, почти мальчишеской фигуре появилось что-то хрустальное. Глядя на нее, я думал: «Упаси бог, если она поскользнется и упадет – она разобьется на тысячу осколков! Их и не собрать-то будет»!

5.3

Совсем, совсем раннее детское воспоминание.

Зеленый луг. На лугу – старые ветвистые дубы. Где-то рядом берег моря. Под дубами растут белые грибы. Раздвинешь траву руками – они так и сидят. С кем-то из взрослых я собираю эти грибы.

6.3

На Литейном меня остановил весьма нетрезвый, но в меру растерзанный человек с добродушным лицом.

– Ты не бойся, я деньги у тебя не стану клянить, – сказал он, приветливо улыбаясь, – просто ты мне понравился. Борода твоя приглянулась. Люблю бородатых. Я, когда на флоте служил, бывал в Кронштадте. Там памятник стоит адмиралу

Макарову. Знаешь, был такой адмирал, он в японскую войну погиб геройски. Песня еще такая есть – «Варяг». Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает... Так этот корабль «Варяг» тоже в японскую войну погиб, и тоже геройски. Со всем экипажем. У адмирала Макарова борода была, как у тебя, точь-в-точь. Ты страшно на него похож. Да ты погоди, куда ты спешишь! Успеешь. Я тебя увидел, сразу подумал: вот адмирал Макаров идет, живой и невредимый! У меня борода плохо растет, а то бы я ее тоже отпустил. Да постой ты! Ты что, на работу, что ли, спешишь? Какая же вечером работа! А ты на флоте не служил? И жаль. На флоте настоящие люди служат. Я, когда служил, был мужик хоть куда. А теперь вот спился совсем, разнорабочим устроился. Ты памятник «Стерегущему» видел? Это тоже японская война. Тогда был сплошной героизм. Но царское правительство было говенным. Японцы нас измордовали. Жаль Макарова. А тебе его жаль? Жаль, я тебя спрашиваю? Слушай, а может, найдется у тебя копеек шесть? А лучше – двадцать. Я пару пирожков купил бы. Весь день не жравши. Ну спасибо тебе, борода! Я, как тебя заметил, сразу смекнул, что ты не жадный, что ты русский, настоящий русский бородатый мужик. Дай бог тебе удачи! Ты, видать, не пьешь? И не пей, не пей, борода, держись!

Спасо-Преображенский всей гвардии собор. Вечерняя служба уже кончилась, но у правого крыла иконостаса дья-

кон читает евангелие. Рядом с ним небольшая толпа старушек. Царские врата в лесах. По доскам ходят рабочие, переговариваются вполголоса, чтобы не мешать дьякону.

Постоял, послушал. Вышел наружу. У входа на белом утрамбованном снегу сидит белая кошка с черным пятном на носу. У ворот ограды несколько нищих. Они прилично одеты, и вид у них не голодный. Наверное, пенсионеры. Подрабатывает у храма по вечерам. За оградой стоят две женщины. Одна говорит другой:

– В среду померла. Сначала здоровая была, румяная, веселая. А потом захворала, бледная стала, грустная. Долго-долго хворала и вот померла. Я весь день проплакала – жалко ее страшно. Совсем еще молодая – тридцать лет. Мне вот шестьдесят, а я живая. Хорошая она была, добрая, умная, образованная.

Бываю ли я счастлив хоть иногда? О да, разумеется!

Просыпаюсь на даче в своей мансарде. За окнами колыхается пронизанная солнцем листва берез.

Встаю, отворяю дверь, делаю шаг и оказываюсь в утреннем июньском лесу. Я слышу все его звуки, ощущаю все его запахи, вижу все его великолепие. Он приветствует меня, и я отвечаю ему тем же.

Возвращаюсь в свою комнату и замечаю осу, которая бьется о стекло.

Беру носовой платок и пытаюсь поймать ее. Она усколь-

зает, она отчаянно сопротивляется, она готова к самому худшему. Но вот наконец она поймана. Подношу платок к раскрытому окну и разжимаю пальцы.

Почувствовав свободу, оса вылезает из складок платка наружу и несколько секунд еще сидит в недоумении, не веря в свое чудесное спасение. Потом она улетает.

Вот это и есть мое счастье. Счастье «без дураков», как принято теперь говорить.

7.3

Первый поистине весенний день. На улицах озёра грязной воды. Солнце уже высокое, и у него очень бодрый, уверенный вид. Пришла его пора.

Сестрорецк. Курорт. Красные стволы сосен, белый снег, синие тени и нежно-голубое небо. Темная быстрая вода реки Сестры. Когда-то здесь проходила государственная граница – совсем рядом от санатория.

1948 год. Воскресная толкучка на Обводном канале. Великое скопище народу и множество всякого барахла. Оно разложено на земле, висит на руках и плечах торгующих.

Продают одежду, обувь, разное тряпье, патефоны, посуду, шелковые абажуры, слесарные инструменты, старые радиоприемники и детали к ним, книги, открытки, репродукции и лубочные картины (пышнотелые обнаженные красавицы, невероятной архитектуры замки, олени в дремучих лесах и

белые лебеди на прудах, по берегам которых растут невиданные цветы). Тут же безногие инвалиды за деньги показывают хитроумные фокусы с картами. А рядом продают собак, кроликов, певчих птиц и золотых рыбок в банках.

Часами брожу в толпе, разглядывая людей и вещи и вслушиваясь в звуки грандиозного базара: прицениваются, зазывают, сыпят прибаутками, хохочут, ссорятся, выкрикивают ругательства, плачут (у кого-то что-то украли), играют на аккордеонах и губных гармошках.

8.3

Я тот самый воин, который в поле один. С кем я сражаюсь? Пока ни с кем. Врагов-то тьма, но они меня еще не замечают. Поэтому я все еще жив. Но рано или поздно враги кинутся на меня. Если не кинутся, значит, я вовсе не воин – в поле мне только ромашки собирать.

Шел по улице. Откуда-то сверху, с пятого или шестого этажа нового многоэтажного дома донеслось кукареканье петуха. Кто-то на балконе разводит кур.

Истина – это то, чего нет и быть не может. Но помыслы об истине не напрасно нас волнуют.

Плоский, безоглядный, безапелляционный оптимизм облегчает жизнь чрезвычайно. Но он превращает ее в некое

условное геометрическое тело, наподобие подстриженного дерева в форме шара или куба – вроде бы и дерево, а вроде бы и нет.

Последовательный, честный, бескомпромиссный пессимизм делает жизнь страшно трудной и обрекает живущего на мученичество. Но при этом бытие сохраняет всё же свои естественные формы – все ветки растут, как им хочется.

Самая выгодная профессия второй половины XX века – профессия космонавта.

Вращаясь вокруг Земли в своих стальных закупоренных банках, космоплаватели, несомненно, испытывают некоторый страх и некоторое неудобство. Но они знают, что их уже ждут ордена и великие почести. Этим ребятам выпадает счастливая карта.

А по части самопожертвования молодой человек, спасающий ночью на пустынной улице незнакомую девушку от хулиганов, даст им много очков вперед. Тут героизм подлинный, бескорыстный.

9.3

Нынешняя женская мода – брюки в обтяжку – эротична до непристойности. Бедра и ягодицы в таких брюках выглядят почти голыми, а у некоторых девиц заметно даже, как раздваивается нижняя часть лобка. Чем уже брюки, чем плотнее прилипают они к тазу, тем шикарнее.

Интересно проследить, как в разные века мода выделяла те или иные «волнующие» места женского тела. Например, в прошлом и восемнадцатом веках до предела обнажали грудь, прикрывая лишь соски, а лет десять тому назад мини-юбки почти полностью оголяли ноги.

11.3

Витиеватость барокко оставляет меня равнодушным. В ней слишком много двусмысленной игривости.

Экстаз великомучеников в католических соборах XVIII века неоднозначен. То ли конвульсии духа, который рвется вон из грешной плоти. То ли это судорога тела, изнывающего от сладострастия, – не поймешь.

История долго водила нас за нос. Миновала эпоха великих надежд и величавого гуманизма. Миновала эпоха неясных тревог и романтических восторгов. Миновала эпоха невиданных ужасов и катастрофических разочарований. Настала эпоха вульгарного прагматизма и изнурительного скепсиса. В наши дни разумный человек может воспринимать мир только иронически.

12.3

Умело и вдохновенно прочитанные бездарные стишки кажутся почти гениальными. Звучащему слову я не доверяю, верю слову печатному. На бумаге оно голое, без прикрас, и

видно, чего оно стоит.

Поэт – не эстрадный артист. Читателю лицезреть его необязательно и даже вредно. Обаяние его внешности и красота его голоса могут помешать восприятию его творений.

Однако поэты из кожи лезут вон, кривляясь на эстрадных подмостках, дабы завоевать любовь не искушенной в литературе публики. Один оглушительно выкрикивает свои тексты, нажимая на гласные или согласные, другой со страстью шепчет стихи в микрофон, будто это ухо его возлюбленной, а третья просто рыдает на эстраде, явно оплакивая кого-то из ближайших родственников. Наиболее эффектный прием – петь свои стихи под гитару. Перед этим не устоит даже самый стойкий слушатель, самый отъявленный скептик, самый бесчувственный чурбан.

13.3

То, что меня слегка печатают, порождает робкую надежду на лучшее, на светлые времена, когда меня станут печатать всюю. Но эти времена никогда не настанут. Если бы меня вообще не печатали, моя судьба была бы определеннее, честнее.

Несмотря на свой скепсис, я стал жертвой иллюзий. Мираж успеха заманивает меня дальше и дальше в пустыню безнадёжности.

15.3

Вестники весны – гигантские ледяные сосульки, падая с карнизов, убивают людей наповал.

Красивая весенняя смерть.

Истинный человек, это всегда не человек толпы, это всегда человек отдельный.

16.3

Похоронная церемония в крематории.

Черные двери открываются, и провожающие входят в ритуальный зал. Гроб в цветах. Траурная музыка. Распорядительница – молодая женщина в черном строгом костюме проникновенным голосом произносит шаблонные фразы об усопшей. Последние всхлипывания родственников. Присутствующие выстраиваются в цепочку и обходят вокруг гроба. Закрывают крышку, громко щелкают ее замки. Наступает тишина. Все напряженно смотрят на гроб. Он вздрагивает и начинает медленно опускаться.

Выход через другую дверь, прямо на улицу. За первыми, входными дверями уже стоят провожающие следующего покойника. Через десять минут они будут стоять на нашем месте вокруг другого гроба с другим трупом, и женщина в черном будет снова произносить стандартные слова о доброте и отзывчивости усопшего или усопшей.

Крематорий работает с полной нагрузкой, его морг набит мертвецами, которые неделями ждут своей очереди.

Из трубы крематория непрерывно струится серый про-

зрачный дымок.

В гостях у Дудина. М. А. внимательно читает корректуру моей книжки и, как мне кажется, вполне искренне поздравляет меня с успехом. Приходит живущий в Ленинграде югославский поэт Станишич. М. А. нас знакомит. Пьем кофе. Беседуем о превратностях судьбы и о поэзии. И. Н. предаётся воспоминаниям о довоенной жизни в Москве, о молодости Дудина, об их первой встрече. М. А., прерывая ее, читает мои стихи из сборника.

– Вот, видите, – говорит мне он, – все у вас получается неплохо. Выходит вторая книга. Вас приняли в Союз писателей. Скоро и третья книжка, небось, появится. Тогда мы сделаем сборник потолще – возьмем стихи из трех книг и добавим новое. Правда, все это делается медленно, но зато верно. Терпение приведет нас к победе.

17.3

В сотнях стихотворений советских поэтов слово «Родина» рифмуется со словом «пройдено», а «осень» рифмуется с «просинью». Эта типизация никого не смущает. Стихи, как здания заводского изготовления, собираются из одинаковых стандартных элементов и столь же уныло однообразны.

Почему я так люблю Петроградскую сторону? Не оттого ли, что она напоминает мне Европу, в которой я никогда не

был?

Траурный марш из седьмой симфонии Бетховена. Прекраснейшая в мире музыка. Долго слушать такое невозможно, не выдержит сердце.

Есть два пути в развитии верлибра. Первый – усложненная образность, острая метафоричность, сознательная сгущенность письма (французские сюрреалисты). Второй – четко явленная архитектурность, заданная структурность, игра словесных масс и ритмов, создающая своеобразный музыкальный эффект (Лорка, Чак, Ружевич).

Мой свободный стих где-то между.

19.3

1945 год. Июль. Ашхабад. Зоопарк. В мутной воде небольшого бассейна плавает белый медведь. Белый он только номинально – шерсть у него грязно-желтая. А в глазах у него тоска – жарища страшная.

1939 год. Зима. Театр Госнардома. Играют оперетту «На берегу Амура». Я сижу в зале вместе с родителями. Спектакль идет по случаю какого-то праздника, кажется, Дня Красной Армии. В антракте к отцу подходит знакомый офицер (тогда говорили – командир). У него на груди новенькая медаль «XX лет РККА». Я гляжу на нее с восторгом. Ее обладатель кажется мне героем.

Обрывок разговора:

«День проживешь – ночь наступит. Ну, думаешь, хоть бы уснуть и подохнуть, не просыпаясь. Но не подышаешь, просыпаешься. Вот ведь хреновина какая!»

21.3

Саша Житинский привел двоих венгров – редактора журнала «Галактика» и переводчика.

Пили «Гурджаани», беседовали о литературе и искусстве. Мои стихи гостям понравились. Переводчик тут же переводил их, вернее, пересказывал их содержание по-венгерски для редактора, который не знал русского. Редактор очень живо реагировал на услышанное. Моя живопись тоже не осталась без внимания. Больше всего хвалили «Одинокого рыбака» и «Вавилонскую башню». Попросили сделать с них слайды и прислать их в Венгрию. Пообещали мои стихи и репродукции с моих картин опубликовать в «Галактике».

Пробыв у меня часа полтора, венгры удалились, а Саша остался. Я читал ему прозу, и он ее хвалил. И он наговорил мне кучу комплиментов, и он сказал, что со мной все в порядке – сделанное мною не пропадет и не будет забыто, и журил меня за пассивность, и мы снова пили с ним «Гурджаани», вспоминая венгров – какие они умные, всё понимающие люди!

22.3

Подлинная культура творится немногими для немногих. Многие довольствуются создаваемой многими облегченной полукультурой или откровенной подделкой под нее.

Рахманинов делал в музыке то же самое, что Бунин – в литературе. Оба предпочитали новациям старый, добрый, всеми любимый сладостный стиль и отказывали двадцатому столетию в праве иметь свое собственное искусство. Рахманинов подражал Чайковскому, Бунин – Тургеневу. И оба они изощренностью превзошли своих учителей.

Весь день занимался живописью. Появилась на свет «Падающая статуя». Она мне нравится.

27.3

Парочка. Она – в старом, выцветшем пальто, в столь же старых грязных ботинках. На голове какого-то тюремного цвета платок. Из-под него торчат пряди нечесаных, свалывшихся волос. Он – тоже во всем старом и грязном. Вместо лица у него страшная красная маска. Веки вывернуты. Носа почти нет. Ноздри зияют, как на черепе у скелета.

Идут, взявшись под ручку, раскачиваясь и делая зигзаги. Оба пьяны.

1944 год. Февраль. Казанджик. Всем семейством в воскресенье отправились на прогулку в горы – они совсем близ-

ко.

Голые розовато-серые скалы, осыпи камней. Кое-где небольшие, поросшие свежей травой лужайки. В траве тут и там краснеют тюльпаны.

Отец взял с собой пистолет. Найдя укромное место, мы развлекаемся стрельбой. Стреляем в платок, повешенный на палку. Сначала мама, потом отец, после я. Пистолет тяжелый, большой (марки «ТТ»). Я держу его обеими руками, но дуло все равно перевешивает и клонится вниз.

– Не надо целиться долго, – говорит отец, – подымай пистолет и сразу стреляй. Рука не должна уставать.

Наконец я нажимаю на спуск, и раздается выстрел. Пистолет дергается вверх, и гильза со свистом пролетает у меня над головой.

– Спокойнее, спокойнее, не нервничай! – говорит отец. – И не надо с такой силой зажмуривать левый глаз, у тебя все лицо перекосилось.

Я делаю еще два выстрела, и мы подходим к платку. Все три мои пули попали в цель.

– Молодчина! – говорит отец. – Из тебя выйдет неплохой стрелок!

28.3

Вечер у Житинского. Он демонстрирует мне зонтик, только что купленный на «боны», полученные за публикации в ГДР и в Польше. Зонтик изумительный, импортный.

Саша пишет новый роман – каждый день четыре страницы.

Ах, Моцарт, мне бы твою безмятежность!

31.3

Большое зеркало в фойе Театра комедии. Я отражаюсь в нем целиком, во весь рост.

Предо мною грузноватый, не первой молодости субъект с усталым и слегка надменным лицом.

Кто он? Актер? Математик? Инженер-радиотехник? Профессиональный фотограф? Спортивный тренер? И отчего он один пришел в театр? Где его жена? Куда подевалась его возлюбленная?

Звучит третий звонок, и я направляюсь в зал, искать свое место.

На сцене советская пьеса, так себе пьеса, хотя и не без претензии на глубокомыслие. Поставлена она так себе, хотя и не без претензии на изысканность. Актеры тоже играют так себе, хотя упрекнуть их вроде бы и не в чем. И публика хлопает не слишком усердно, так себе хлопает. Режиссер – мой приятель. Когда-то он ходил в модернистах, за что его не единожды наказывали. Теперь он угомонился и стал почти реалистом. Спектакль сделан вполне профессионально, добротно, со вкусом. Ругать его не будут, но и спорить о нем тоже не станут.

В антракте зрители стремглав бросились в буфет – «да-

вали» шоколадные конфеты в коробках. Конфеты довольно дорогие, но их мгновенно расхватали.

Возвращаясь домой, проезжаю на троллейбусе мимо Адмиралтейства. Курсанты Морского училища красят якоря, лежащие на гранитных постаментах. На часах около одиннадцати. В такое время курсанты должны уже спать. Видимо, якоря красят штрафники.

Осень 1945 года. Орел. Я учусь в шестом классе. Школа ютится в полуразрушенном здании. Мой сосед по парте – упитанный розовощекий мальчик по имени Витя. Мы с ним дружим. Витин папа – первый секретарь орловского обкома.

Я с родителями живу в маленькой узкой каморке, которую мы снимаем у бедной одинокой женщины, пережившей оккупацию. Витя с родителями располагается в восьмикомнатном, только что восстановленном особняке. Во дворе особняка – гараж, в нем три автомобиля, два заграничных и один советский.

У Вити своя комната. В ней много книг. На стене висят четыре малокалиберных ружья. «Вот это подарил мне Маленков!» – с гордостью говорит мне Витя.

Любимая Витина забава – стрелять в ворон. Время от времени он предлагает мне принять участие в этом веселом занятии. Стреляем мы прямо с крыльца особняка, которое выходит во двор. А вороны сидят на ближайших деревьях за оградой.

Другое Витино развлечение – носиться по городу на одной из папиных машин, которую ведет один из папиных шоферов. Это пожилой, недавно демобилизовавшийся из армии добродушный дядька. Он любит Витю и выполняет все его прихоти.

– Быстрее, дядя Коля! – кричит Витя. – Все же нас обгоняют!

И дядя Коля послушно переключает скорость.

Учится Витя плохо, совсем плохо. Не хочется Вите учиться. Я помогаю ему решать задачи по арифметике и писать домашние сочинения, но он все равно двоечник.

Однажды в школу пришел один из заместителей Витино-го папы. Он просидел целый урок в классе на задней парте, слушал, как Витя отвечает у доски. После урока, не сказав учительнице ни слова, заместитель поспешно ушел.

В конце ноября я с родителями уехал из Орла в Ленинград. С Витей мы простились очень тепло. Он подарил мне на память книгу Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», а я ему – ножик с наборной пластмассовой ручкой.

Почему мне нравился этот толстый, ленивый и глуповатый барчук? Он был добр и по-своему обаятелен.

И разумеется, мне, сыну простого армейского капитана, было лестно бывать в его «губернаторском» доме. Я с удовольствием разъезжал в «виллисе» по улицам разрушенного Орла и с еще большим удовольствием палил из малокалиберки в несчастных ворон. Раза два я попал. Вороны падали,

растопырив крылья, роняя перья, стучаясь о толстые ветки. Вместе с перьями падали осенние листья. Я был жесток, как все подростки. Мне (не) жалко было ворон.

1.4

Где же ты, мой дорогой читатель? Кажется, я небездарен, неглуп, неленив, и я давно жду тебя. В ожидании твоего появления я успел написать множество стихов. Среди них, на мой взгляд, есть весьма недурные.

Где ты блуждаешь, мой долгожданный читатель, кого читаешь вместо меня? Но, быть может, я заблуждаюсь, и тебя вовсе нет, мой бесценный, мой умный, мой благородный читатель?

Молоденький, стройненький, чистенький, румянький, рыжеволосенький морской офицерик. От него пахнет цветочным одеколоном. Видимо, он направляется на свидание с любимой девушкой. И она тоже молоденькая, стройненькая, чистенькая, румянькая. Быть может, она даже рыжеволосенькая. Хорошо, если бы это было именно так. Но пахнуть от девушки должно приличными духами. Лучше всего, если они окажутся французскими.

В девятом классе школы я мечтал стать морским офицером. Потом расхотелось.

Идеи должны питать литературу, но не подавлять ее. Рус-

ская словесность уже два столетия изнемогает под бременем общественных идей. Невозможно представить себе вполне безыдейного русского писателя.

Но каковы же идеи моего творчества?

2.4

Я пережил себя уже на три года. Все должно было кончиться в 77-ом. Этот конец выглядел бы вполне естественно. Лишний кусок жизни обременителен, он доставляет мне мало удовольствия.

Стою на остановке и от нечего делать разглядываю фасад дома на углу Литейного и Фурштатской (Петра Лаврова). Рядом стоит старик в серой заячьей шапке.

Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Моего трамвая все нет.

– Этот дом принадлежал купцу первой гильдии Черепеникову, – говорит вдруг старик, обращаясь ко мне, – в первом этаже у него были магазины.

– Вот как! – говорю я заинтересованно.

– Прекрасные были магазины, – продолжает старик, – бакалея, гастрономия, фрукты... А какие были приказчики! Учтивые, проворные, красивые! Все с усами!

Анастасия Вяльцева.

Это имя слышал еще в юности. И после попадалось оно

мне в мемуарах, в статьях и книгах об искусстве той томительной, предгрозовой поры. И всегда упоминалось оно как-то вскользь, с оттенком пренебрежения (эстрадная певичка... успех у низкопробной публики... цыганский надрыв и слезливость).

Лет восемь тому назад случайно довелось мне осматривать ее особняк на Карповке, который должны были снести, чтобы на его месте воздвигнуть новое здание. Особняк был уже пуст (ранее в нем располагалось какое-то учреждение), стекла были выбиты, в комнатах валялся мусор, остатки сломанной мебели. На стенах и на потолках не сохранилось никаких украшений, видимо, внутри особняк при новых хозяевах был перестроен. И я тогда подумал: «Всего-то певичка, а такой дворец!»

А лет пять тому назад руководил я студенческой практикой – обмеряли надгробия Никольского кладбища Александр-Невской лавры, в том числе и часовенку над ее могилой (нерусский стиль, резьба по белому камню, золоченая луковича со сломанным крестом). Над входом надпись:

Анастасия Дмитриевна
БСКУПСКАЯ-ВЯЛЬЦЕВА
ум. 4 февраля 1913 г.

И снова стало мне странно: исполнительница цыганских романсов – и такой мавзолей!

Тогда же кто-то сказал мне, что, когда ее хоронили, весь Невский был запружен народом от Адмиралтейства до ворот

лавры и бросали цветы под копыта лошадей, запряженных в катафалк.

Это вовсе привело меня в смущение: эстрадная артистка – а такие похороны!

И вот только что выпущенная пластинка с ее романсами, записанными в начале века. Вспомнили ее, бедную.

На футляре, в рамке, стилизованной под модерн, фотография красивой женщины с кокетливой улыбкой, с тонким пальчиком, приставленным к щеке. Она в роскошном белом платье. На шее жемчужное ожерелье, на груди большая золотая брошь, на запястье массивный золотой браслет.

На обороте футляра рассказ о ее жизни, о редкостной ее судьбе.

Деревенская девчонка, швея, горничная в дешевой гостинице, а спустя несколько лет – всероссийская известность, восторги поклонников и несметное богатство. В собственном железнодорожном вагоне она разъезжала по России, и везде ее ждал феноменальный успех.

И вдруг в расцвете жизни, таланта, красоты и славы – гибель от роковой неизлечимой болезни.

Говорят, что ее безумно любил некий аристократ, блестящий гвардейский офицер. Чтобы вырвать ее из объятий курносой, он сделал все, что было в ту пору возможно (лучшие врачи России и Европы, знаменитые знахари, тибетская медицина). Но ничто не помогло, и предначертанное судьбой свершилось: белый катафалк, шестерка белых коней в белых

попонах и с белыми султанами на головах, белый, обтянутый шелком гроб, горы белых цветов.

Голос загадочный, удивительный, мягкого теплого тембра с необычными интонациями. В нем и страсть, и печаль, и какие-то предчувствия, и какая-то запредельность. В нем живет то время – начало нашего апокалипсического века, время надежд и тревожных ожиданий.

Все это – и ее жизнь, и легенды о ней, и ее лицо, и ее голос, и ее могила, и нынешняя ее безвестность – волнует меня чрезвычайно. Что связывает меня с этой женщиной, меня, родившегося спустя 19 лет после ее похорон?

3.4

Эксперименты Мейерхольда были естественной реакцией на стилистику Станиславского, в которой театр изгонялся из театра. Сценическая условность заменялась натуралистическим воспроизведением жизни, и правда искусства была отдана в жертву правдоподобию. Актер на сцене ничем не должен был отличаться от обычных «живых» людей, естественность его поведения становилась абсурдом.

Это был тупик, и Мейерхольд взбунтовался (параллель – бунт футуристов против позднего символизма и акмеизма).

Стоят двое, умный и дурак.

Умный невысок, сутул, узкоплеч. Ключковатая борода, очки, высокий морщинистый лоб, плешь, просвечивающая

сквозь редкие волосенки на затылке. За очками прячутся выпуклые близорукие глаза. В них кроется печаль и неверие в будущее.

А дурак высок ростом, строен, плечист волосы у него кудрявые, и с его круглого розового лица не сходит самодовольная ухмылка. Его маленькие глазки посверкивают весело и наглогато.

Что и говорить – интеллект портит мужчин.

Как известно, обыватель подобен растению. У него есть корни и листья, он даже может цвести. Но он не любит, когда его называют обывателем. Ему нравится, когда говорят, что очень нужен и важен, что без него картина мира трагически исказилась бы, что из таких, как он, и состоит народ, а народ – это нечто величественное. Обыватель верит всему, что ему говорят. Тем он и хорош.

4.4

«Аврора» опубликовала 4 моих стихотворения. В редакции мне вручили письмо от незнакомой читательницы.

«Я начала следить за его публикациями с его прекрасной поэмы „Жар-птица“... Огромную радость мне подарили стихи из сборника „На мосту“... Я думаю, что это один из интереснейших ленинградских поэтов... Буду с радостью видеть на страницах журналов и книг такую обыкновенную фамилию такого

необыкновенного поэта...»

Вот он, мой читатель! Он меня ценит, он меня понимает!
А я-то думал, что его нет!

Когда-то в юности я мечтал стать писателем, и непременно знаменитым. И вот я писатель, но, увы, не знаменитый. Чего же мне хотелось больше – быть писателем или быть знаменитостью?

5.4

В «Неве» сказали: «Принесите побольше стихов. Отберем, предложим еще раз „главному“». Авось что-нибудь получится».

И опять, стиснув зубы, я перебираю свои рукописи, стараюсь почувствовать, что может понравиться «главному», что может «пройти». Вот уже двадцать лет, с первых попыток напечататься, я занимаюсь этой постыдной самоцензурой.

Несмотря на свой эгоцентризм, я так и не научился жить в себе. Я по-прежнему на сцене. Но зрителей в зале раз-два и обчелся. После каждого акта своего затянувшегося спектакля я слышу лишь жидкие хлопки.

Покинуть сцену? Стать зрителем?

Моя дочь говорит мне:

– Папа, твои картины какие-то непонятные. Они куда-то

манят – далеко-далеко. Они таинственные. Зачем ты пишешь такие картины?

– Не знаю, – отвечаю я, – так пишется.

– А ты попробуй по-другому!

– Пробовал. Не получается. Получается только так.

– Странный ты художник, папа, очень странный!

Простота поистине хуже воровства. Творения истинного искусства невероятно сложны и лишь кажутся порой простыми людям незамысловатым. Спекуляция на «благородной простоте» – одно из великих зол, разрушающих литературу.

Вторая корректура книги направлена в Горлит. Разговаривал со своим редактором по телефону. «Будьте готовы ко всему, – сказала она, – если выбросят несколько, стихов, это еще не так плохо. Может быть куда хуже».

Страшновато, но интересно. Как это, оказывается, опасно – быть поэтом! На каждом шагу тебя поджидают смертельные неприятности. Сколько в этом жгучей романтики!

Позвонил М. А., я рассказал ему о своей тревоге.

– Все будет хорошо! – успокоил он меня. – В любом случае книга будет опубликована.

Позвонила Г. Ей я тоже поведал о своих мрачных предчувствиях.

– Зачем расстраиваться, – сказала она, – зачем страдать раньше времени!

«Она права, – подумал я, – страдать надо вовремя, ни раньше, ни позже, чем требуется».

8.4

Кто-то где-то за что-то меня судит. Грядет приговор. В чем я провинился? По каким законам ведется судопроизводство?

О, великий Кафка!

Рифма прельщает, соблазняет, порабощает стихотворца, уводит его в леса, в болота, в горы, бросает его в морскую пучину. Рифма лишает поэта воли, рифма глаголет за него.

Я хочу говорить сам и поэтому пытаюсь обходиться без рифмы. Когда мне это угодно, я подзываю рифму к себе, но не надолго – чтобы не зазнавалась.

Тютчев и Фет талантом не уступали Пушкину, но были ленивы и не очень верили в себя, потому написали мало и не раскрылись полностью в творчестве. Лермонтов был талантливее Пушкина, Лермонтов был фантастически талантлив, но ему чертовски не повезло – слишком рано погиб. Не случись это, он мог бы стать одним из величайших поэтов человечества.

Благоговею перед стилем, но презираю стилизации.

9.4

Несмотря на нелепость и постыдность своей жизни, я все еще на что-то надеюсь.

Надеюсь, что вторая моя книжка будет напечатана, надеюсь, что ее заметят читатели и критики. Надеюсь, что стану писать хорошую прозу. Надеюсь, что мне удастся сделать выставку своих картин. Словом, надеюсь на лучшее.

Скоро мне стукнет сорок восемь, а я все еще не теряю надежд! Хорош гусь!

Пил кофе в Нижней столовой дворца Великого князя Владимира Александровича (Дом ученых). Теперь здесь кафе с баром, скромное кафе для научных работников, располагающееся в роскошнейшем и, слава богу, прилично сохранившемся интерьере в духе итальянского Ренессанса.

Когда одевался, гардеробщик – старик с пышной седой бородой, под стать великокняжеским хоромам – попросил у меня сигарету.

– К сожалению, не курю сигареты, – сказал я.

– «К сожалению!» – передразнил меня старик (он был явно нетрезв). – А баб ты шупаешь или тоже «к сожалению»?

– Какие уж там бабы! – ответил я. – Не до них мне сейчас.

– А что, болен? – полюбопытствовал гардеробщик.

– Да нет, здоров. Огорчения у меня всякие – заботы, тре-

воги.

– Мать твою так! – воскликнул старик. – Ты что, и водку не пьешь?

– Водку пью, – ответил я, – водку не забываю.

– Ну, значит, ты все же православный, – резюмировал старик, – значит, все хорошо.

10.4

Форма должна быть максимально активной. Подлинная, глубинная философия писателя раскрывается только через форму. Все, что рассказывается или изображается, – лишь предлог для решения формальной задачи, а она всегда невероятно сложна.

Только полноценный, талантливый читатель способен почувствовать, понять и оценить совершенство и оригинальность формы. Рядовой потребитель литературы воспринимает преимущественно содержание. В лучшем случае он способен оценить достоинства традиционной, хорошо знакомой ему стилистики. Заурядному читателю невдомек, что развлечь, рассмешить, растрогать, напугать или озадачить – простейшие из всех функций искусства.

12.4

Петергоф. Никогда не бывал в Петергофе ранней весной. Парк какой-то маленький и голый, весь он просматривается насквозь. Над деревьями непрерывно каркая, летают во-

роны. С залива дует пронзительных, холодный, совсем еще зимний ветер. Все статуи в дощатых футлярах. Бассейны фонтанов пусты, и на их дне видны трубы, незаметные под водою летом.

Из тридцати принесенных мною стихотворений заместитель главного редактора «Невы» Корнев отобрал двенадцать и положил их на стол «главному».

Корнев благосклонно относится к моим верлибрам. «Моему сыну очень нравится, как вы пишете», – говорит он мне.

13.4

Нельзя быть всеядным, но нетерпимым тоже нельзя быть. Оптимальная позиция: всё, или по крайней мере многое, понимать и принимать, но предпочитать всё же одно.

Перед Хлебниковым склоняю голову, но он меня не потрясает. Его шаманство над словом и его нарочитый инфантилизм от меня далеки.

Питаю слабость к старым фотографиям. В них есть нечто сверхъестественное.

Фото начала нашего века – вокзал в Новой деревне.

Перрон. Поезд пригородной железной дороги с допотопными, какими-то куцыми вагончиками. Толпа на перроне. Видимо, люди только что вышли и направляются в город.

Солидные господа в котелках, дамы в светлых летних шляпах с широкими полями, студенты в форменных фуражках, мастеровой в помятом картузе, крестьянка (видимо чухонка) в платочке. Идут, молчат, разговаривают, жестикулируют, двигают ногами, машут руками. Идут в сторону будущего, в мою сторону. Идут и надеются, что будущее их не подведет. Идут и не догадываются, какие сюрпризы готовит им время, и не подозревают, чем грозит им кровожадный двадцатый век. Идут и не знают, что все они давно уже умерли, давно покинули пределы мира сего. Впрочем, вот тот мальчишка, который перебегает железнодорожные пути, может быть, еще и жив. Но он уже дряхлый старец, ему, небось, за восемьдесят.

На указателях знакомые названия: Сестрорецк, Курорт, Скачки, Лисий нос. Только они не постарели.

14.4

Моя тревога была не напрасной. «Высокий суд» постановил изъять из моей книжки тринадцать стихотворений, а два стихотворения слегка укоротить. Доводы обвинения убийственно нелепы (к примеру: «Катулл и Лесбия» выброшено по той причине, что меня-де могут заподозрить в сочувствии к лесбиянству!).

Судьба нанесла мне еще один удар – короткий, мощный удар под ложечку. Бессмысленно задавать вопрос – за что? Вот она – награда за мое долготерпение! Чаше надо меня

бить и больше!

17.4

Все трое – Леонардо, Рафаэль и Микеланджело – были холостяками. Рафаэль, вероятно, связал бы себя узами брака, да не успел этого сделать. Смерти было угодно застать его неженатым.

«Главный» отобрал из двенадцати стихотворений восемь и грозитя напечатать их в сентябрьском номере. Дай-то бог!

Что в зарубежной поэзии мне близко?

Катулл, Марциал, средневековая лирика Японии и Китая, Вийон, Гонгора, Эдгар По, Гейне, Бодлер, Рембо, Верхарн, Аполлинер, французские сюрреалисты, Элиот, Каммингс, Превьер, Мишо.

20.4

Дача. Все завалено снегом (он шел всю ночь). Время от времени выглядывает прорывающееся сквозь тучи солнце, и тотчас из-под снега появляются зеленые листья и стебли оживших трав. Холодная нынче весна, похожа на позднюю осень. Будто не апрель на дворе, а ноябрь.

По стволу сосны вниз головой спустилась белка. Побегала по снегу, нашла кусочек сухаря (для нее приготовленный), взяла его в зубы, вспрыгнула на забор и побежала по шта-

кетнику, аккуратно ступая лапками по узким торцам рек. Шерстка у нее еще серая, только хвост рыжеватый.

Ем мороженые яблоки. Они коричневые, сморщенные, некрасивые, но вкусные и очень сочные. Яблочный сок течет по подбородку.

1941 год. Лето. Краснодарский авиагородок. На поле, рядом с домами, в которых живут семьи летчиков, вырыты на случай бомбежек узкие глубокие щели. В этих щелях я целыми днями играю со своими сверстниками в войну.

У меня деревянный меч, фанерный щит и почти настоящий лук со стрелами – все это появилось после того, как мы, мальчишки, посмотрели фильм «Александр Невский». Еще у меня есть пистолет, стреляющий пистонами, отличный ленинградский довоенный пистолет. По вечерам я помогаю маме дежурить во дворе – мы следим, чтобы во всех квартирах было затемнение.

Вместо киножурналов в кино показывают короткометражные ленты о том, как бороться с зажигательными бомбами и поражать танки бутылками с горючей смесью (лучший способ – прикинуться мертвым, пропустить танк мимо себя и бросить бутылку ему вслед). Немцы где-то под Киевом, в районе Смоленска и у Пскова. Все говорят, что дальше их не пустят, что вот-вот начнется мощное наступление Красной армии.

22.4

Живу я тихо и кротко, как голубь. И все жду, когда кротость мою оценят, когда мне за нее воздастся. Должны же, черт побери, где-нибудь восхититься моей безропотностью! Должны же когда-нибудь поклониться мне в ноги за мое мягкосердечие! И получается, что кротость моя корыстна. От того, небось, и душа моя терзается – наказание это за корысть.

Христианство – это экзистенциализм для широкого потребления. Христос не понял человечество? Или человечество было не способно понять Христа? А может быть, непонимание было обоюдным? Так или иначе, но спасение человечества не состоялось.

Перечитал «Жили-были». За 30 лет до моего возникновения Леонид Андреев смотрел на мир моими глазами и моя, озадаченная жизнью душа уже томилась в его теле.

Только два писателя во всей русской литературе знали подлинную цену смерти – Бунин и Андреев.

Ибсен утверждал, что «самый сильный человек на свете – это самый одинокий». Я не самый сильный, стало быть, я и не самый одинокий. Я попросту слабый человек, хотя и изрядно одинокий.

23.4

Два человека – один с острым, другой с тупым лицом. У первого – длинный гоголевский нос, узко посаженные гла-

за, впалые щеки и скошенный подбородок. У второго – торчащие скулы, плоский нос, глаза у висков, широкий лоб и круглый подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.